

Данные примеры – это яркие показатели патриотического служения Русской Православной церкви Родине, своему народу.

Литература и источники

1. Гісторыя Беларусі: у 2 ч.; РІВШ БДУ. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000–2002. – ч. 2. XIX–XXст. – 2002. – 656 с.
2. Данные, собраны в ходе самостоятельного исследования на территории Ивацевичского, Ивановского районов и Брестской области.

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

*Белокрылова В.А.
(Минск, Беларусь)*

Беспрецедентный по своим масштабам и амбициям социальный эксперимент по конструированию и распространению атеистического мировоззрения на территории бывшего СССР, к сожалению, по сей день не стал предметом должного теоретического осмысления и оценки. Несмотря на то, что антирелигиозная пропаганда как часть институционально закреплённых советских идеологических практик оказалась вместе с коммунистическим прошлым за бортом истории, данный предмет заслуживает пристального изучения по целому ряду оснований. Среди них – как историко-мировоззренческие, духовно-нравственные, культурные и тому подобные гуманистические обстоятельства, так и куда более прозаичные, социально-технологические факторы, обусловившее неэффективность данного масштабного социально-технологического эксперимента. Современная востребованность концепта социальных и гуманитарных технологий, практикующих относительно мягкие «человекомерные» формы

управленческого и идеологического воздействия, актуализирует проблему (пере)осмысления информационной и технологической составляющей советского антирелигиозного проекта.

Антирелигиозная политика в СССР может быть интерпретирована как масштабная социальная технология, вовлечёнными в которую оказались широкие слои населения, и не только в качестве пассивных объектов, но и в качестве активных субъектов. С одной стороны, атеистический проект проиграл сражение «за души» советских граждан. Это поражение стало очевидно ещё в годы перестройки (1986–1991), которые ознаменовались массовым всплеском интереса к религии. В какой степени это обусловлено системными просчётами пропаганды и идеологии, и в какой – естественной консервативностью социокультурных практик и мировоззренческих констант?

С другой стороны, наивным было бы утверждать, что «исповедуемый» в течении столь продолжительного времени на государственном уровне антирелигиозный проект, поддерживаемый силами всего идеологического аппарата, канул в лету без каких-либо последствий. Очевидно, что столь масштабный и долгосрочный социальный эксперимент по «перевоспитанию» верующих не мог пройти бесследно, не повлияв на нравственную сферу, историческое и политическое сознание, специфику религиозности (в том числе в транспоколенческой перспективе). Бескомпромиссная борьба с религией – единственным уцелевшим идейным оппонентом в рамках социалистической системы, практически не прекращалась весь период существования Советского Союза. В этой связи, уместным будет задаться вопросом, какое опосредованное воздействие на последующие идеологические нарративы и политические дискурсы на постсоветском пространстве оказали социальные технологии и технологии аргументации, сформированные и апробированные в рамках советского антирелигиозного эксперимента. Возможно, «идеологическое бессознательное», сформированное в рамках государственного атеизма, нашло совре-

менное применение в дискурсе внешней и внутренней конфронтации на постсоветском пространстве.

Рассматривая советский атеистический проект в качестве социальной технологии, следует, с одной стороны, составить представление о характере ее содержания (контента): установках, идеях, ценностях, моделях аргументации и т. п. С другой стороны, «технологическая метафора» предполагает знание о механизмах продвижения и ретрансляции данного идейного содержания («логоса»). Технологии антирелигиозной пропаганды проектировались и воспроизводились на государственном уровне как массовые и долгосрочные политические, социальные и идеологические тренды. Способ их реализации, с одной стороны, был определенным образом отрефлексирован, унифицирован и в значительной степени алгоритмизирован, как и подобает ее прототипу – технологии промышленной. С другой стороны, имели место его различные прочтения непосредственными исполнителями «на местах». Несомненное влияние на технологии дискурса оказывает национальная и региональная специфика. Все это позволяет говорить об социальных технологиях антирелигиозной пропаганды как о достаточно сложном многоуровневом феномене. Единство содержательного (идейного) и формального (организационного) мы интерпретируем посредством понятия «социальная технология».

В лице «воинствующего атеизма», ставшего частью идеологии советского образа жизни на протяжении семи десятилетий, мы имеем дело не только с репрессивным по своей сути государственной политикой, но и с определенным образом выстроенным идеологическим нарративом и соответствующими ему массовыми социальными практиками. В целом дискурсивное пространство вокруг «научного атеизма» релевантно общему контексту советской государственной идеологии, «монотеизм» которой принципиально не допускал идеологической конкуренции. В анализе идеологического контента совет-

ского атеизма мы условно выделяем повествовательное (нарративное) и полемическое (критическое) содержание. Первый компонент диктует требуемый «символ веры», второй – «уличает» и «разоблачает» религиозные доктрины.

Политику «борьбы с религиозными пережитками» в СССР отличает ярко выраженная социально-инженерная направленность. Трактовка религии в общем контексте государственной идеологии исходит из того, что согласно классикам марксизма-ленинизма, сознание трудящихся должно автоматически освободиться от религиозных пережитков в силу специфики самого нового социалистического общественного уклада, ликвидации частной собственности и эксплуатации как социальных корней религии. При этом если по каким-то причинам отмирание религии не происходит автоматически, то ликвидация реакционного мировоззренческого наследия требует специального политтехнологического и социально-технологического вмешательства на государственном и общественном уровне.

Амбициозная задача проектирования и моделирования мировоззрения населения по замыслу политтехнологов должно обосновываться научно. В Белоруссии, как и в СССР в целом, разработан обширный комплекс литературы, посвященной проблематике истории и теории атеизма, специфике и динамике религиозности населения, дискурсивным и организационным принципам ведения пропаганды.

Материал, на основании которого нами анализируется советский атеистический проект применительно к региональной специфике БССР, можно разделить на три условные группы. В первую очередь это пособия, предназначенные для непосредственного общения пропагандистов с верующими. Как правило материал подается в вопросно-ответной форме либо в рамках соответствующих рубрик. Подобные издания отличает широкий, зачастую произвольно выбранный, тематический спектр – от статуса сакральных объектов и представлений до этических проблем в их связи с религией. Значительное

внимание уделяется вопросам исторического происхождения религиозных представлений и основных религий, подчеркивается ангажированность религии интересами враждебного капиталистического окружения.

Второй блок представляет собой методическое руководство антирелигиозной пропагандой применительно к различной аудитории и ситуациям. Если первый блок отвечает на вопрос «что?», то второй – на вопрос «как?» Во втором блоке обобщается методика и психология лекционной пропаганды, формы индивидуальной и массовой работы в различных сферах. Основаниями социально-технологических методик служат некоторые научные обобщения, в частности социологические и этнографические данные об особенностях религиозности населения. Важное место в проектировании технологий пропаганды занимает политический контекст, это прежде всего выступления государственных лидеров, решения и установки, исходящие из текущей политической конъюнктуры (решений партийных пленумов, съездов, постановлений правительства и т. п.). Задача состояла не просто в налаживании проникающей системы агитация населения, но в постоянном увеличении числа агитаторов и пропагандистов. В идеале, сам бывший верующий, с помощью пропаганды пришедший к атеистическим убеждениям, должен стать их активным проводником.

Третий блок источников – теоретическая рефлексия над антирелигиозной деятельностью и путями повышения ее эффективности со стороны гуманитарных дисциплин, в первую очередь философии. Не в этой ли причастности глубинная причина «слепого пятна», в котором оказалась значительная часть исследовательского контента антирелигиозной направленности последней трети XX в.?

Задача комплексного осмысления советского антирелигиозного проекта состоит в реконструкции содержательных и инструментальных установок как культурологического симптома и технологического инструмента одновременно.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ И ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НИКОЛАЯ ЛОССКОГО

Лянькевич Г.Ч. (Минск, Беларусь)

Высоцкий А.П. (Рига, Латвия)

Православный (до 1840 г. униатский) священник Иван Лосский своей трагической судьбой (казнен повстанцами в 1863 г.) во многом предопределил судьбу своих детей и внуков, в том числе выдающегося белорусско-русского философа Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965).

Судя по некоторым сведениям, в частности тем, что приводит в своих «Воспоминаниях» [1] Н.О. Лосский, его дед Иван был не только ровесником, но и единомышленником реформаторов униатской церкви. По мнению многих исследователей, наиболее значительной фигурой из реформаторов униатства был Иосиф Семашко (1798–1868) – униатский епископ Мстиславский (с 1829 г.; в Полоцкой униатской архиепархии), а затем православный архиепископ Литовский и Виленский (с 1840 года). (Кстати, многие родственники Н.О. Лосского жили и учились в Мстиславле и Полоцке, а сам знаменитый философ в Мстиславле «работал всласть» над книгами и диссертациями) [1, с. 15; 22, 23, 28; 2, с. 476].

В свою очередь, традиции богословского воспитания в семье Н.О. Лосского (наиболее ярко они проявились в деятельности старшего сына и старшего внука философа – Владимира Николаевича (1903–1958), автора книги «Боговидение» и Николая Владимировича (1929–2017) Лосских) представляют большой интерес не только для историков Русской Православной Церкви, ни и для ученых-гуманитариев. Этот интерес, во-первых, обусловлен противоречивой семейной религиозной традицией родственников Н.О. Лосского (дед философа, как уже отмечалось, был униатским и православным священником, отец и мать исповедовали православие и католицизм).